Нелли ЖУРАВЛЕВА

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБАВЫ» УРАЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В 1930-е ГОДЫ

«Литературные забавы» — публицистические заметки М. Горького, напечатанные в 1934—1935 годы центральными газетами страны, дававшими фактически правительственную оценку публикуемым материалам[1]. Горький обобщил явления, во многом характерные для литературной среды: бескультурье, зазнайство, групповщина, возрождение в среде писателей богемного образа жизни с пьянками и драками. Все это, по его мнению, компрометировало идеи социализма. Для поэтов, упоминаемых в статьях (П. Васильев, Я. Смеляков и Б. Корнилов), эта оценка оказалась роковой: их подвергли травле и репрессиям.

Судя по статьям в периодике 1930-х годов, «литературными забавами» стали называть всякое отклонение от соцреализма и этики советского писателя[2]. Конфликт, произошедший в среде литераторов Свердловска, также поставили в один ряд с поведением вышеупомянутых поэтов. Б. Ручьев, Н. Куштум, К. Реут, Г. Троицкий, С. Корольков и П. Хорунжий, проживая на даче в Шарташе зимой 1934 года, написали письмо в Правление Союза советских писателей о засилии «харитоновщины» и развале работы. Председателя местного отделения Н. Харитонова обвинили в том, что он «ставит стену перед всякими творческими ростками»[3]. Конкретный повод: Харитонов запретил публиковать в журнале «Штурм» стихотворение Троицкого «Маргарита»[4].

Увидев в письме свердловчан «политическое и бытовое разложение», Правление направило А. Селивановского для расследования дела. Он сделал вывод о несоветском поведении и аморальном образе жизни писателей, опираясь на стенгазеты «Аргентинская роза» и «Бездарность», где размещались шутки и пародии писателей друг на друга. Больше всех досталось А. Авдеенко. Говорилось, что он получает огромные гонорары, что знаком с иностранной валютой не понаслышке. Редактор «Уральского рабочего» А. Жуховицкий назывался «Трусовицким», ведь, по мнению писателей, из-за него газета никогда не печатала материал, вскрывающий ошибки и просчеты руководства области и писательской организации. В итоге обком расценил инициативу писателей как выпад против своего печатного органа — газеты «Уральский рабочий».

Селивановский объяснил произошедшее «головокружением от успехов» и зазнайством молодых авторов. Так, на Первом Всесоюзном съезде писателей именно свердл-

[1] *Горький М.* О литературных забавах // Правда, Известия ЦИК СССР и ВЦИК, Литературная газета, Литературный Ленинград. 1934. 14 июня; *Горький М.* Литературные забавы. II // Правда, Известия ЦИК СССР и ВЦИК, Литературная газета. 1935. 18 января; *Горький М.* Литературные забавы. III // Правда, Известия ЦИК СССР и ВЦИК, Литературная газета. 1935. 24 января.

[2] Например, *Плиско Н.* «Литературные забавы» критика Ермилова // Литературная газета. 1934. 3 июля и др.

[3] Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 83. Л. 20.

[4] А. Селивановский описал его так: «...романтизация белогвардейской женщины, полковничьей дочери, ставшей проституткой, но сохранившей свою несгибаемую силу» (*Селивановский А.* Сигнал // Литературная газета. 1935. 8 января).

ловскую организацию ставили в пример остальным. Местные власти также их баловали: публикации в ежемесячном журнале «Штурм» и издательстве Свердлогиз, отдых на даче в Шарташе, в Доме литературы и искусства и пр.

Эта история вышла за пределы Урала, а статья о ней в газете «Правда» привлекла всеобщее внимание[5]. В руководстве Союза советских писателей возникла дискуссия о богемном разложении и аполитичности начинающих авторов. В частности, на заседании Президиума правления 23 января 1935 года оргсекретарь А. Щербаков признал, что подобные настроения характерны для Украины, Белоруссии, Грузии. Нередко публиковались материалы с враждебными тенденциями. «Отрыв литературной работы от политических задач, притупление революционной бдительности, нетерпимость к самокритике, зазнайство и обывательски-богемные настроения»[6] — черты, присущие многим молодым писателям. Для выхода из кризиса намечалось активизировать работу с авторами, ввести обязательную политучебу, создать группу для наблюдения за провинциальными организациями и их продукцией[7]. Правда, сектор областной литературы под руководством А. Караваевой был создан лишь в 1938 году. Такая задержка, вероятно, объяснялась непростой политической ситуацией в период массовых репрессий.

Между тем противоречия в среде свердловских писателей копились уже давно, и запрет на публикацию «Маргариты» привел к открытому конфликту. После Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» упразднялась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) и ее филиалы, в частности УралАПП. В стране возникли оргкомитеты Союза советских писателей, в которые вошли как бывшие рапповцы, так и новые функционеры. Между ними началась борьба за лидерство.

В Свердловске новая власть в лице Харитонова окружила себя преданными людьми: А. Маленький, А. Авдеенко, И. Горев, И. Бахтамов. Они имели поддержку газеты «Уральский рабочий» и обкома ВКП(б). В частности, поэт Реут возмущался тем, что «своим» Харитонов выплачивал более высокие гонорары: А. Маленький за очерк получал 180 руб., а остальные — по 120 руб.[8]. Со слов члена ревизионной комиссии С. Балина стало известно, что Харитонов использовал «систему подачек». Когда приезжали люди из Москвы, он задаривал нужных людей, подкармливал их и в итоге остался должен Союзу 3900 руб. После проверки в 1937 году обнаружили нецелевое использование средств в сумме 30 тыс. руб. [9]

С другой стороны, выдвинулись писатели, исключенные из этого круга избранных, большей частью бывшие рапповцы, обласканные прежним руководством: С. Морозов, С. Корольков, Г. Троицкий, Б. Ручьев. Последний вспоминал: «Обстановка в Свердловском отделении Союза советских писателей была исключительно тяжелой, атмосфера насыщена подхалимством, угодничеством и преклонением перед Харитоновым <...> Писательский актив был втянут в пьянство и разврат, все свободное время проходило в пьяных оргиях, организуемых для писателей на даче, отведенной специально для них»[10]. И хотя поэт поведал об этом во время допроса в 1937 году, доля правды в его словах, вероятно, есть.

Действительно, Харитонов сосредоточил в своих руках огромную власть: он был председателем регионального

---

[5] *Розенталь С.* Писательская богемщина в Свердловске // Правда. 1935. 20 января.

[6] Постановление Президиума правления СП СССР от 23 января 1935 г. «О состоянии свердловской организации Союза советских писателей» // Литературная газета. 1935. 30 января.

[7] Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. Р-1615. Оп. 1. Д. 13. Л. 34.

[8] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 82. Л. 174.

[9] Там же. Л. 54.

[10] Цит. по: *Непеин И.* Палачи и жертвы. Челябинск: ТОО «Версия», ТОО «Лад», 1997. С. 18.

отделения Союза писателей, заместителем редактора «Уральского рабочего» и Крайгиза, ответственным редактором «Истории фабрик и заводов». Все это вскружило ему голову, — по мнению современников, он стал свысока смотреть на остальных. Собрал вокруг себя успешных писателей, приблизил к себе, например, Авдеенко, имя которого, благодаря роману «Я люблю» гремело в 1930-е годы по всей стране. Переехав из Магнитогорска в Свердловск, Авдеенко как «знаменитость» получил от местных властей огромную квартиру, дачу, высокие гонорары и в придачу — «звездную болезнь». К примеру, он в резкой форме отказался от корректировки рукописи своего романа «Столица», уже одобренной Селивановским в Москве. И, несмотря на протесты редактора, в производство пошла плохо отредактированная книга[11].

Особенно обострилась вражда во время Первого областного съезда писателей Урала, проходившего в Свердловске 18—22 июня 1934 года. Харитонов и Авдеенко выступили с резкой критикой творчества ряда уральских писателей, утверждая, что статья Горького о «литературных забавах» имеет прямое отношение к свердловским авторам. Морозов, в свою очередь, обвинил Харитонова в создании мифа о шестистах писателях Урала: по его мнению, в этот период их насчитывалось только тридцать один[12].

Аналогичные съезды проходили в это время по всей стране и имели важное организационное значение: требовалось избрать делегатов на Всесоюзный съезд писателей. Свердловск представляли 12 делегатов, большинство из которых входили в группу Харитонова[13]. При этом некоторые из них оказались на Урале временно (Б. Горбатов, И. Горев) или вообще не являлись писателями.

[11] *Блинова Е.* Редактор и писатель // Литературная газета. 1936. 10 сентября.

[12] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 67. Л. 27.

[13] Б. Горбатов, И. Горев, В. Виноградова, А. Авдеенко, Б. Ручьев, А. Бондин, Н. Куштум, К. Реут, А. Маленький, Х. Аминов, И. Астахов.

К примеру, В. Виноградова работала журналистом в газете «Уральский рабочий», зато приходилась женой секретарю обкома Кабакову.

Не менее драматично проходили выборы членов свердловского отделения ССП. Членство в этом творческом союзе предоставляло серьезные преимущества: публикации, командировки в Москву и регионы, помощь Литфонда, отдых на даче, посещение ресторана Дома литературы и искусства. Иными словами, профессиональное существование советского писателя становилось возможным только в рамках этой организации. Потому 5 июля 1934 года из 50 поданных заявлений одобрили лишь 18. Большинство из них принадлежали к группе «харитоновцев». 16 претендентов назначили стажерами (кандидатами), а кандидатуры 17 отклонили вообще. Всего же литературный актив города насчитывал 83 человека[14].

После съезда писателей конфликт получил продолжение. Ручьев ушел из правления, Харитонов — в длительный отпуск. За три месяца организация полностью прекратила работу[15]. Основная масса писателей пребывала в недоумении. Именно в этой обстановке было написано письмо, обличающее Харитонова. Оно явилось кульминацией нездоровой обстановки, сложившейся в организации, и пагубно сказалось на биографии большинства участников конфликта.

Из рассказа Королькова явствует, что Харитонов перехватил письмо с ответом Правления, вскрыл его и отправил Селивановскому телеграмму с просьбой приехать[16]. По мнению С. Морозова, их взаимодействие было неслучайным: Селивановский в 1932 году провел Харитонова в секретари УралАПП, а позднее — в председатели Оргкомитета, и периодически приезжал на Урал для «идеологического руководства»[17]. Как вспоминали писатели, во вре-

[14] ГАСО. Ф. Р-1615. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

[15] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 11. Л. 9.

[16] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 83. Л. 21.

[17] Там же. Ед. хр. 67. Л. 26.

мя расследования Селивановский, проживая на даче Харитонова, так ни разу и не провел с ними беседы[18].

И все же, несмотря на высоких покровителей, 13 января 1935-го Харитонова отстранили от работы. Председателем правления обком утвердил директора Института марксизма-ленинизма П. Новика, а ответственным секретарем — И. Панова[19]. Большинство свердловских писателей поддержали это назначение, надеясь на возвращение утраченных позиций.

Дальнейшая судьба участников группы, написавшей письмо, в большинстве сложилась неудачно. Троицкий на несколько лет уехал в Омск — позднее репрессирован. Исключены из комсомола Ручьев — за избиение жены — и Хорунжий — за драку с товарищем на курсах в Малеевке. Куштум получил выговор. Корольков долгое время был безработным[20]. Многим создали невыносимые условия работы в организации, и они ее покинули. К примеру, Ручьев вернулся в Челябинск, где после доноса был арестован и долгое время провел в лагерях. Существует небольшая вероятность того, что если бы он остался в Свердловске, то, возможно, избежал бы репрессий. К слову сказать, многие уральские писатели в конце 1930-х годов были репрессированы и даже расстреляны.

Таким образом, период середины 1930-х явился переломным не только в истории СССР, но и в творчестве многих советских писателей. Такие громкие дела, как «дело Павла Васильева» или «богемщина в Свердловске», во многом отражали общую тенденцию в стране. Эти разбирательства, как и показательные политические процессы 1935—1937 годов над «врагами народа», имели целью ослабить потенциальную оппозицию режиму и устрашить остальных. Не стоит также забывать, что после убийства С. Кирова 1 декабря 1934 года произошло резкое ужесточение политического курса в стране, возникли оперативные «тройки» для ускорения судопроизводства.

Огромные суммы денег пошли на развитие Союза советских писателей. Ставку сделали на периферийных авторов рабоче-крестьянского происхождения. Но в большинстве случаев надежды вырастить великих советских писателей не оправдались. И уже вскоре возник вопрос о необходимости сохранения областных литературных организаций. Так, секретарь кировского отделения А. Алдан считал, что на помощь молодым писателям расходуются огромные средства (не менее 1—1,5 млн. руб.). Но за последние годы из них выдвинулось всего 2—3 человека. Его возмущало, что при огромных тратах — такие ничтожные результаты. Среди причин этого он называл раннюю профессионализацию писателя, который отрывается от трудовой среды и стремится зарабатывать на жизнь лишь литературным трудом[21], что во многом объяснялось желанием вступить в Союз для получения материальных благ и стабильности. К аналогичным выводам пришла и В. Антипина, опираясь на анализ писем и протоколов заседаний[22]. Вот, например, отрывок из секретной справки: «Непосредственно после съезда писатели занялись устройством своих личных дел: покупкой машин, строительством дач, многие до окончания или непосредственно после окончания съезда уехали в творческие командировки или в отпуск и т. д. Поэтому в ожидании, что к зиме, когда все вернутся, положение выяснится, писатели вяло реагируют на складывающуюся после съезда общественно-литературную обстановку»[23].

---

[18] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 83. Л. 22.

[19] Собрание свердловской организации Союза советских писателей // Литературная газета. 1935. 8 января.

[20] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 11. Л. 12.

[21] *Алдан А.* Нужны ли областные отделения Союза писателей? В порядке обсуждения // Литературная газета. 1937. 5 июня.

[22] *Антипина В.* Повседневная жизнь советских писателей в 1930 — 1950-е гг. М.: Молодая гвардия, 2005.

[23] Цит. по: Из справки секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР об отношении писателей к прошедшему съезду писателей и к новому руководству Союза советских писателей // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 238.

Очевидно, что в условиях формирования тоталитарной системы власти подобные настроения были недопустимы. И по мере ужесточения политического режима, кульминацией которого стали массовые репрессии, возрастал уровень зависимости писательской организации от власти. Особенно это коснулось региональных авторов, которым с 1939 года запрещалось публиковаться без предварительного просмотра рукописи в Москве.

История идей

Вадим ПОЛОНСКИЙ

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОПЫТЫ СИМВОЛИСТСКОЙ ДЕШИФРОВКИ СОБЫТИЙ

Историософия славянства в русской публицистике периода Первой мировой войны

Патриотический подъем в русской публицистике первых военных месяцев 1914 года сопровождался среди прочего напряженной риторизацией так называемого *славянского вопроса*. Это происходило с опорой на плотную идеологическую подкладку религиозно-философского ренессанса в России начала XX века, благодаря чему в новых исторических условиях были актуализированы и переосмыслены важнейшие постулаты славянофильства и почвенничества. Историософия славянства как концептуальная совокупность телеологии и смыслового потенциала, присущего истории славянских народов, в русской литературе обретает черты оформленного целого на фоне Крымской кампании 1853—1856 годов. Именно эта война, послужившая катализатором формирования славянофильской мысли, «в свое время была воспринята как наглядное подтверждение тезиса о глубо-